

Ренат Беккин

Тапочки Мубарака

Египет после революции

Луксор: город в зимней спячке

В Луксоре о революции, похоже, никто не слышал. Город, погруженный в зимнюю дремоту, пробуждается лишь тогда, когда из гостиницы неторопливо вываливается очередной турист. Спешить ему особенно некуда, поэтому, задержавшись на крыльце, он некоторое время раздумывает, куда ему отправиться: направо или налево. Пока он занят этими недолгими размышлениями, все, что находится поблизости от него, мгновенно приходит в движение. Таксисты начинают сигналить, совершая маневры перед носом чужеземца, владельцы магазинов дерзко распахивают двери своих лавок, чистильщики обуви бегут наперевес со своим древним инструментом, на всех известных им языках доказывая несчастному гостю, что с такими грязными ботинками неудобно появляться на улице даже такого захолустного городишки, как Луксор...

Но турист, пренебрегая вниманием многочисленных аборигенов, направляется к одной из колясок с запряженной в нее лошадкой. В Луксоре этот вид транспорта наиболее уважаем среди иностранных гостей.

— По правде сказать, Мубарак мне ничего плохого не сделал. Разве он один такой на свете? Все президенты в арабских странах такие же, даже хуже. Не понимаю их там, на севере. Они все там сошли с ума. Теперь из-за революции стало меньше туристов. А те, что приезжают сюда, не очень-то щедры. От этой революции нет проку ни мне, ни моей семье, ни моей лошади...

Я слушал монолол возницы Мухаммеда, устроившись на облучке рядом с ним. Пять фунтов — совсем недорого, чтобы поколесить по всему городу. Вдоль железной дороги, до рынка, затем через торговые ряды — до «музея». «Музеем» здесь именуется любой магазин, где продаются папирусы, поддельные или настоящие, статуэтки египетских богов, украшения, ткани и прочие товары для туристов. Двухэтажный «музей», принадлежащий коптам, — непереманный пункт в маршруте каждого возницы. Даже если вы будете клясться Христом-Богом и Аллахом, что вы не желаете в «музей», что у вас уже полный чемодан сувениров, упрямый возница, понимающе кивая и улыбаясь, все равно доставит вас сюда. В ответ на ваши упреки, он скажет, что ему надо срочно покормить лошадку, а вы тут пока в «музее» можете прогуляться, чтобы зря время не терять.

Ренат Беккин (1979) — доктор экономических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН. Основатель и главный редактор литературно-философского журнала «Четки» (2007 — 2011). Литературные публикации в журналах «Бельские просторы», «День и ночь», «Дружба народов», «Литературные незнакомцы», «Четки» и др.

Мне ничего не оставалось, как зайти в «музей». Чтобы не огорчать ласкового хозяина, предложившего мне чай, я приобрел, не торгуясь, пузатое чудовище с головой крокодила, сжимавшее в руке *анх* — древнеегипетский «ключ жизни». Всю обратную дорогу я вспоминал имя этого крокодилочеловека. В гостинице залез в Интернет и выяснил, что у меня в руках — бог воды и разлива Нила Себек. Смущение вызывало лишь то, что доставшееся мне божеество не отличалось идеальными пропорциями. Оно явно страдало «зеркальной болезнью»: под огромным пивным животом виднелся едва различимый «корень жизни».

— Возможно, это каприз художника, — решил я. — Надоело ему штамповать красавцев типа Осириса, Рамсеса и Нефертити, — вот он и решил воплотить свои фантазии в образе этого далекого от идеала существа. Возможно, этот «недобог», как я его окрестил, вобрал в себя черты похотливого соседа художника, который соблазнил его жену. Обиделся на него художник и решил отомстить таким коварным образом. Так писатели придают отрицательным персонажам черты своих недругов и обидчиков.

В том же «музее» я поинтересовался, нет ли у них тапочек с изображением на внутренней стороне подошвы физиономии бывшего президента Мубарака. Мой приятель в Москве сообщил мне, что это теперь самый модный сувенир в Египте. Он заказал мне две пары тапочек, 44-го и 36-го размера.

— Вам нужны тапочки Мубарака? — недоверчиво переспросил продавец после некоторого молчания.

Я ничего не ответил и направился к своему кучеру, возившемуся с лошадью. За тапочками нужно возвращаться в Каир. И за революцией тоже. В этом сонном царстве знают лишь одно слово: бакшиш...

Парламент — не место для молитвы

Я еще мог понять, когда бакшиш требовал водитель полуживой кобылы, но когда за дополнительным вознаграждением протягивал руку таксист, я не стеснялся высказывать свое удивление.

Значительная часть времени в Каире проживается в дороге. В машине. Иногда ты успеваешь сдружиться с водителем, иногда стать с ним лютыми врагами.

Такси в Каире бывают двух видов: со счетчиком и без счетчика. Счетчиком оснащены, как правило, автомобили белого цвета. В черных авто счетчика либо не имеется, а если он все-таки есть, то работает по странной, понятной только самому водителю системе.

Впрочем, и в белых такси иногда не было счетчика. Однажды я поймал такое авто. Водитель — не успев я устроиться в кресле — протянул мне мятую упаковку с попкорном. Я отказался, но он так яростно настаивал, что мне пришлось взять несколько хлопьев.

— Забирай все! — приказал таксист, потешаясь над моей нерешительностью.

Я взял и, только когда мы проехали целый квартал, обнаружил, что в такси нет счетчика. Вместо него зияла дыра, из которой торчал недоеденный сэндвич. Я ткнул пальцем в дыру, замахал руками и громко произнес: «Не-е, мужик, без счетчика я не поеду!»

— Договоримся, когда доедем, — засмеялся таксист. — В чем проблема? Хочешь сэндвич?

— Нет! — сказал я и протянул водителю попкорн.

— Не надо мне! — с обидой сказал египтянин.

Тот попкорн в итоге достался другому таксисту, у которого не было проблем со счетчиком.

— Откуда? — спросил он, расправившись с попкорном.

— Из России.

- Почему Медведев не хочет быть президентом второй раз?
- А кто его знает, может, и хочет, да кто ж ему даст.
- А почему вы не хотите сделать революцию, как в Египте?
- Может, и хотим, только холодно, вот сегодня в Москве минус двадцать.

По Цельсию...

- О Аллах, минус двадцать! А летом?
- Летом все на дачах.
- А что такое дача?..

Я рассказал ему про дачи, потом плавно перешел на березовый сок, который я собираю в конце апреля. С березового сока мы перешли на грибы и ягоды, пока мой словарный запас не иссяк. Сложно объяснить на арабском языке вкус черники, если даже не знаешь, как произнести само слово «черника».

Оставшуюся часть пути мы слушали прямой репортаж с заседания нижней палаты парламента. Только что прошли выборы, в результате которых большая часть мест в Народном собрании досталась представителям исламистских партий. Один из депутатов от салафитской партии «Нур», Мамдуг Исмаил, посреди заседания поднялся и, прервав выступление своего коллеги, начал возглашать *азан* — призыв на молитву.

Пикантность ситуации заключалась в том, что спикер Народного собрания Саад аль-Кататни был представителем другой исламистской партии, но более умеренной. Он недолго наблюдал за демаршем своего бородатого коллеги, а затем обратился к нему со словами: «Парламент — не место для молитвы. Здесь в двух шагах есть мечеть, там и надо молиться. Не надо думать, что вы — более набожный мусульманин, чем все остальные». Большинство депутатов поддержали председателя.

Заметив, с каким вниманием таксист слушал репортаж из парламента, я решил, что этот политически грамотный человек наверняка знает, где можно достать тапочки с портретом Мубарака.

— Тапочки с портретом Мубарака? — переспросил он. — Никогда не видел. Это вам на Тахрире надо спросить. Там точно знают.

Истинные революционеры

Прошел ровно год после революции. На Тахрире по-прежнему стоят палатки. Но их уже не так много, как тогда, в феврале 2011-го. На лицах бродящих вокруг палаток людей нет той надежды, которую можно было видеть по телевизору и на фотографиях год назад, когда народ свергал с трона засидевшегося «фараона» — Мубарака.

Нас четверо: я и трое коллег, приехавших совершенствовать свой арабский в Каирский университет.

— Как, вы не были на Тахрире?! — вскричал я. — Как вы будете смотреть в глаза своим родным? Узнав, что вы целый месяц прожили в Каире и ни разу не были на Тахрире, они плюнут вам в глаза. И правильно сделают!

Все согласились со мной, и мы уселись в такси с широко раскрытыми окнами, глотая пыльный, не успевший охладиться воздух. Таксист — средних лет седоватый смуглый мужчина в очках, южанин, — оживился, узнав, что мы из России.

— Давно хотел спросить, что значит выражение «Иди нахой, урод»?

— Где вы слышали его? — спросил я с улыбкой.

— У меня есть русская подружка, — хвастливо произнес таксист, поглаживая свою вспотевшую физиономию. — Она мне сказала.

Я стал подыскивать слова, способные передать ему смысл этой фразы, но прежде, чем я успел что-нибудь сообразить, наш разговор прервал вопль, раздавшийся у меня над самым ухом. Оказалось, что наш водитель «подрезал» другого таксиста. Тот почувствовал себя уязвленным и, нагнав нашу машину,

принялся орать что-то в адрес обидчика. Пошумел и пронесся вперед. Но наш водитель был не таков, чтобы оставить все это без последствий. Он мигом настиг дерзкого коллегу и тоже завопил что-то несусветное в его адрес. Вся эта словесная дуэль проходила через меня, вернее, сквозь меня: один разъяренный таксист вопил мне в правое ухо, другой — в левое. Неизвестно, сколько бы все это продолжалось, если бы наши машины не разлучил перекресток. Я так и не успел рассказать нашему водителю смысл фразы, которую произнесла его русская подруга. Может, это и к лучшему. Зачем отнимать у человека мечту?..

Мы вылезли перед площадью, нерешительно разглядывая разбросанные палатки.

— Тут можно фотографировать? — спросила одна из моих коллег.

Я не успел ответить, как к нам подошел долговязый парень в синей куртке-кенгуру с капюшоном, надетым на голову. Он был гладко выбрит, умеренно смугл, изо рта торчала сигарета. В руке был пластиковый стакан с чаем.

— Вы журналисты? — спросил он всех нас разом, слегка шурясь.

— Сейчас любой человек, у кого есть аккаунт в Фейсбуке, немного журналист, — отвечал я.

— Это точно, — согласился парень. — Если у тебя есть аккаунт в Фейсбуке — значит, ты немножечко революционер. Так говорим мы в Египте после революции. В таком случае: добро пожаловать на Тахрир! Мы всегда рады хорошим людям. Меня зовут Адель.

— Очень приятно, меня — Ренат. А это — Ильяс, Аида и Альфия.

— Интересные имена. Вы из какой страны?

— Из России.

— Из России? У меня брат жил некоторое время в России. Он женат на русской, ее зовут Наташа. Так что вы почти мои земляки, — Адель продолжал бегло говорить по-английски.

— Где ты так хорошо научился говорить по-английски?

— Здесь в университете. Для дела нужно было. У моего отца фирма. Он уехал за границу. Эмигрировал, значит. Вот я вместо него присматриваю за фирмой, веду ее дела. Без английского никуда. Много партнеров-иностранцев. Если у вас есть какие-нибудь проблемы или вопросы, не стесняйтесь — обращайтесь, пожалуйста.

Вопросов оказалось много. Я задавал их один за другим, и он неторопливо отвечал, пока мы прогуливались по площади. За двадцать минут Адель провел нам мини-экскурсию по палаточному городку на Тахрире.

— Вот здесь у нас находится парень, которому полицейские стреляли в глаз. Махмуд, выходи! — Адель отогнул край палатки, и мы увидели несколько расположившихся в полутьме человек.

В ответ на призыв Аделя из палатки на карачках выполз молодой парень с перебинтованным глазом. Адель помог ему подняться, а затем сам пролез в палатку и вернулся с костылем в руках.

— Вот что сделали с ним год назад люди Мубарака, — добавил Адель, позируя с опершимся на костыль Махмудом перед фотокамерой.

До этого я не раз слышал, что снайперы стреляли в глаза наиболее активным участникам протестов. Таких людей с забинтованным глазом я потом еще несколько раз встречал на каирских улицах.

— А вот здесь, — продолжал экскурсию Адель, подходя к серой палатке, завешанной плакатами, требующими предоставить право судить Мубарака народу, — у нас живет мужчина, у которого оба сына погибли во время революции. Он решил, что не уйдет отсюда, пока Мубарака не отправят в ад.

В районе площади я видел как минимум два чучела бывшего президента: одно со стороны кампуса Американского университета, другое — напротив, у светофора. Не иначе, как для Мубарака была приготовлена и небольшая виселица, огороженная колючей проволокой в самом центре площади. В том, что «фараон» должен быть казнен, не сомневался ни один из тех, кого мы встре-

чали в Каире: от преподавателя университета до революционера с площади Тахир.

В палатке, где жил отец двух мучеников революции, никого не оказалось, и мы пошли дальше.

— Вам, наверное, может показаться, что здесь все хаотично и нет никакой системы, — сказал Адель. — Но это не так. Здесь существует строгий порядок. Вот в той палатке, — Адель указал на другую сторону площади, рядом со зданием четырнадцатизэтажной Мугаммы, где до революции находилось несколько министерств, — у нас располагается, так сказать, администрация. Там находится человек, ответственный за безопасность на площади. Если что-то случается, люди идут к нему...

Пока мы гуляли по площади, мне и моим коллегам успели присобачить на плечо наклейку с изображением флага Египта и надписью Facebook. От коммерческого предложения нарисовать каждому из нас на щеке цвета флага Египта мы решительно отказались.

В одной из палаток сидело человек десять. Они негромко пели песню о павших героях революции — песню, родившуюся здесь, на Тахире, год назад. Единственным музыкальным инструментом был дырявый бубен. Когда Адель отогнул край палатки, несколько человек жестами стали зазывать нас внутрь — на чай. Но мы решили не злоупотреблять гостеприимством обитателей Тахира.

Адель пригласил нас после экскурсии в небольшую чайную недалеко от площади. Вскоре к нам присоединились Хусам и Али — «два истинных революционера», как сказал о них Адель.

О таких, как Хусам и Али, говорят: представители интеллигенции. Хусам — долговязый немолодой мужчина в очках, в болотного цвета куртке, клетчатой рубашке и джинсах. Али — в кожаной куртке, лысоватый, неопределенного возраста. Оба с умными, немного уставшими глазами.

— Почему так мало людей на площади? — спросил я всех революционеров разом.

— Здесь остались истинные революционеры — те, кто недоволен результатами революции и готовы идти до конца, — отвечал Хусам.

— Вы сами-то живете здесь?

— Нет, но мы практически все свободное время проводим здесь, — отвечал Хусам. — Есть несколько человек, которые действительно живут на Тахире. Они находятся в розыске. Если они покинут площадь, то их немедленно схватит полиция. А здесь они в безопасности. Полиции на Тахире нет. Люди в форме здесь — нежелательные гости.

Впрочем, как я уже успел понять, и в других частях Каира полицию не очень-то боятся. За несколько дней до этого я наблюдал одну сцену на рынке Хан аль-Халили. Какой-то подросток схлестнулся с полицейским, тоже молодым парнем, на одной из тесных улочек рынка. Подросток готов был разорвать полицейского и наверняка осуществил бы свои намерения, если бы несколько мужиков в буквальном смысле не повисли у юноши на руках. Тот вырывался, что-то кричал голосом пьяной женщины.

— Что стоишь, дуралей? Беги! — сказал полицейскому один из державших подростка мужиков.

И полицейский припустил. Наконец парню удалось вырваться, и он бросился в погоню. Чем все кончилось, не знаю... Но мне даже стало как-то обидно за стража закона.

— Адель, прости за вопрос, а где вы тут... по нужде ходите? — спросил я нашего экскурсовода после третьей чашки чая.

Как оказалось, еще со времен революции существует устная договоренность, согласно которой близлежащие отели предоставляют революционерам свои помещения для сна и прочих физиологических надобностей. И все это, сказал Адель, бесплатно. Правда, эти удобства распространялись только на лидеров революции, которых персонал отеля хорошо знает в лицо.

В этих благодеяниях, подумал я, скрыт тонкий расчет. Отелям и по сей день выгодно прикармливать революционеров — по крайней мере, ее вожаков из числа «истинных революционеров». Тахрир притягивает туристов. Многие готовы платить хорошие деньги, чтобы жить рядом с площадью и вдыхать еще не успевший выветриться запах революции.

Мы еще долго сидели с Аделем, Хусамом и Али, рассуждая на тему, стоит ли совершать революции, если их плодами пользуются негодяи.

Я почему-то вспомнил тогда пафосный музей — «Панораму 6 октября», посвященную Октябрьской войне 1973 года.

Война эта началась с блестяще проведенной операции по форсированию Суэцкого канала. Тот факт, что египтянам удалось в течение долгого времени (больше двух лет) скрывать план операции, является не меньшим чудом, чем их молниеносный прорыв на первом этапе войны. Что произошло дальше, известно. Израильтяне пришли в себя и не только восстановили утраченные позиции, но и прорвались на восточный берег Суэцкого канала. Некоторые историки считают, что у президента Анвара Садата изначально не было цели выходить на территорию Израиля, ему было важно лишь продемонстрировать силу и вынудить Тель-Авив к переговорам. Если так, то план Садата был реализован на все сто. В результате Кемп-дэвидских соглашений Египет в обмен на признание Израиля вернул Синайский полуостров. Не случайно поэтому в пояснительных текстах к «Панораме» Садат назван «героем войны и мира».

Сама «Панорама 6 октября» незатейлива и годится лишь для впечатлительных школьников младших классов. Зрители садятся на скамьи перед металлической оградкой, за которой расположена сама панорама — наполовину нарисованная, наполовину состоящая из реальных артефактов: разбитого израильского танка, порванного израильского же флага и прочих предметов. Когда все усаживаются, выключается свет, и панорама начинает неторопливо вращаться. Закадровый голос торжественно рассказывает историю той войны. Для нас включили русскоязычную запись. До сих пор не могу забыть слова, которыми завершалась вся эта поучительная история. Голос на ломаном русском произносил: «Эта была конфронтация человека и танка. В этой конфронтации победил человек. Египетский человек».

Египтяне искренне считают, что победили тогда, и очень гордятся своим Октябрем. Быть может, они правы. Арабы выиграли сражение, но потерпели поражение в войне, однако в результате смогли избавиться от чувства ущербности, порожденного прежними военными и политическими неудачами. Нынешняя революция также не привела к осуществлению многих надежд ее участников, но она позволила людям перестать чувствовать себя рабами. Революция, как это ни высокопарно звучит, состоялась не только на площади, но и в их душах.

Когда мы расставались, я достал деньги, чтобы заплатить за чай. Но все трое наших собеседников замахали руками.

— Вы — наши гости. От чая мы не пообедем, — сказал Хусам.

— Угостите нас чаем, когда мы приедем на вашу революцию в Россию, — добавил Али.

— Договорились...

— У вас есть еще пять минут? — спросил Адель. — Сейчас я позвоню моему другу, и он подвезет вас.

Только сейчас я вспомнил о тапочках.

— Адель, где здесь можно достать тапочки с портретом Мубарака? Ну, ты понимаешь. Не сами тапочки Мубарака, а сувенир с его портретом.

Адель задумался.

— Тапочки... сейчас узнаю.

Он подвел нас к одной из палаток, изрисованной лозунгами революции. Из палатки вышла заспанная женщина в желтой, давно не стиранный куртке.

Адель что-то быстро сказал ей на диалекте.

— Шипшип?¹ — переспросила она. — Сейчас нет, извините. Но если надо, завтра сделаем. Вам сколько? — обратилась она ко мне.

— Две пары.... Нет, лучше три...

— Хорошо, приходите на следующей неделе, иншаАлла, — она нырнула обратно в палатку.

— Пойдите, девушка, а размер?

Из палатки послышалось что-то нечленораздельное.

— Не беспокойтесь! Размер вас устроит, — перевел Адель слова из палатки на английский...

Крабы с собачьего рынка

Современные путеводители полны советов, что непременно должен сделать турист, если он оказался в Каире. У меня был свой список дел, которые мне надлежало совершить в египетской столице. Одним из них было посещение собачьего рынка.

Бравый солдат Швейк до мировой войны промышлял торговлей беспородными псами. Наверное, если бы он жил в Каире, то его можно было бы встретить недалеко от мечети Саййида Айша на собачьем рынке с каким-нибудь собачьим ублюдкой на поводке.

Говорят, что на таких собачьих базарах больше половины животных — краденые. Если это так, то тогда становится понятно, почему выставленные на продажу псы сидят с такими постными выражениями на мордах. Ничего хорошего от того, что их привели в выходной день на многолюдную площадь, они не ждут.

Едва раздается азан, как собаки приходят в неистовство. Они начинают, стремясь перешеголять друг друга в громогласности, лаять, заглушая крик муэдзина, зовущего всех правоверных на пятничную молитву. Но торговцы собаками не спешат в мечеть, расположившуюся всего в нескольких десятках метрах от них. Казалось бы, пса можно привязать и оставить под присмотр кого-нибудь из коллег или женщин, которым не обязательно ходить на пятничную службу. Но кто в таком случае сможет поручиться, что за время намаза с псом ничего не случится? Чего только может не произойти с собакой, пока ее хозяин кладет поклоны Творцу: сожрет что-нибудь не то или поцапается с другим животным и потеряет товарный вид. Если же пес краденый, то за ним вообще нужен глаз да глаз: за время отсутствия продавца может объявиться его хозяин, и тогда пошли насмарку все усилия по похищению животного.

Между тем люди со всех сторон спешат на молитву. Шум усиливается. Машины гудят, полицейский беспомощно размахивает руками, не слишком набожные торговцы рекламируют свой товар: «всего один фунт! один фунт!», с другого конца доносится: «три фунта! три фунта за одну штуку!». От этого царящего кругом неистовства псы окончательно лишаются рассудка. Весь воздух кругом наполняется собачьим лаем, от которого невозможно укрыться даже за стенами старинной мечети.

Каирские псы, подобно Церберу, своим лаем предупреждают о входе в царство высокопоставленных мертвецов. За собачьим рынком начинается знаменитый Город мертвых (Мадинат ал-амват) — средневековый некрополь, основанный в XIV веке.

Он стал местом упокоения для каирской знати: здесь лежат тела последних аббасидских халифов, мамлюкских султанов, выдающихся мусульманских ученых, военачальников. Но вот уже несколько столетий старинные гробницы Города мертвых облюбовали многочисленные семейства. В наши дни Го-

¹ Тапочки (араб.).

род мертвых служит приютом почти для полумиллиона жителей Каира. Число его жителей пополняется не только за счет новорожденных в семьях «aborигенов», но и благодаря пришельцам. Войны, землетрясения, другие катаклизмы испокон веков увеличивали население великого каирского некрополя.

Надежные стены, центр города, никакой платы за жилищно-коммунальные услуги, тысяча возможностей заработать честными и не очень способами — многим переселенцам Город мертвых показался сказкой. К тому же неоспоримым преимуществом является то, что после смерти можно быть погребенным вблизи собственного дома. Безмянным, тайком, в чужой могилке, но зато среди каких людей: султанов, мамлюков!

Обитатели гробниц настолько привыкли к своему жилищу, что искренне недоумевают, когда любопытный турист, завидев свет, устремляется в предвкушении знакомства с изнанкой каирской жизни в открытые двери какой-нибудь усыпальницы с фотоаппаратом. На их лицах можно прочесть выражение: «Мы здесь живем, а тебе, чужак, чего здесь надо?» Впрочем, насельники Города мертвых давно уже стали такой же достопримечательностью Каира, как и само место их проживания.

Однако самих жителей Каира в Город мертвых влекут не старинные склепы и не живой товар, а огромный блошинный рынок дешевой, в основном бывшей в употреблении одежды китайского производства. Рынок этот захватывает по пятницам одну из магистральных улиц старинного некрополя. Здесь полно народу. За несколько десятков фунтов здесь можно одеть всю семью, от трусов до зимней одежды...

По другую сторону от мечети Саййида Айша расположился продуктовый рынок. Я замер у грузовика с цветной капустой размером с человеческую голову. Но мое внимание привлекла не капуста. На одном из лотков в куче льда я увидел крабов. Двадцать фунтов за килограмм?

— Можно за десять? Можно?! Отлично!

Посоветовались с коллегами и попросили два килограмма... Нет, три! Три килограмма крабов! С Красного моря. Или со Средиземного. Неважно!

С большим черным пакетом мы двинулись по рынку. Возвращаться домой не хотелось. Известное дело: пробки. Уедешь — потом не выберешься. Так и поехали с этими крабами в Музей исламского искусства.

Я давно мечтал попасть сюда. Те предыдущие два раза, что я был в Каире, мне по разным причинам не удавалось проникнуть в музей. То он был закрыт на реконструкцию, то у меня никак не получалось поспеть до его закрытия, то я попадал на время намаза...

Сложно описать выражение лица женщины у входа, возвращавшей нам черный пакет, из которого уверенной противной струйкой лилась темно-коричневая жидкость. Мы, идиотски улыбаясь, забрали крабов.

В такси крабы совсем расклеились. Водитель с подозрением посмотрел на наш пакет. Увидев, что мы не реагируем, он демонстративно потянул воздух носом.

— Все окей, это крабы, — отвечал я...

Таксист высадил через пять минут после посадки, не взяв платы за проезд и даже (о чудо!) не потребовав бакшиш. Мнения разделились. Часть коллег выступала за то, чтобы немедленно избавиться от крабов, — «иначе мы не доедем». Другие выступали за то, что крабов надо слегка подушить духами. Так и сделали.

Подвернувшийся на разбитой шестерке старик не почувствовал подвоха с надушенными крабами: на всякий случай я широко распахнул окошко в машине.

Но на пороге отеля страдания крабов не закончились. Пока принимал душ, номер наполнился зловонным запахом.

Я отправился в столовую, но, к моему удивлению, там готовить наш «улов» отказались.

— Почему? — спрашивал я.

— Мы не имеем права подвергать вашу жизнь опасности, — произнес шеф-повар.

— А в чем же заключается опасность?

— Вдруг вы отравитесь...

— Что за чушь! Но даже если это так... их буду есть я! Слышите? Я!

— Все равно нельзя. Обратитесь в какой-нибудь ресторан поблизости, — может, они вам приготовят.

Вечером мы с коллегой взяли пакет с крабами и пошли по окрестным ресторанам. В первом же ресторанчике, специализировавшемся на местной кухне, нас даже слушать не стали: «Нет, мы крабов не готовим».

Во втором нам ответили примерно то же. Непримируемость рестораторов изумляла. Раньше мне казалось, что отсутствие формализма в отношениях между людьми — едва ли не главное преимущество Египта.

Несколько дней назад коллеги поручили мужской части нашей делегации купить торт — у одной девушки в нашем коллективе был день рождения.

— Не дороже 100 фунтов, — предупредила нас Эмма, занимавшаяся организацией праздника.

Долго нам не попадалось никакого магазина со сладостями. Наконец набрели на лавочку, где продавался роскошный ванильный торт за 139 фунтов. Дороговато, но ничего не поделаешь. Какой день рождения без торта? Купили, идем: я посередине, один коллега справа, другой — слева. Я держу торт в руке, тяжелый. Вкусный, наверное. И тут по дороге натыкаемся на другой магазин со сладостями.

— Зайдем, — говорю ребятам.

Они мне в ответ: «Зачем? Торт-то уже купили».

— Ну, так, — говорю, — для сравнения.

И точно: вошли мы и сразу увидели на вертящейся витрине в центре магазина точно такой же торт, даже еще симпатичнее, — но только за 39 фунтов!

Хлопнули мы все трое себя по ляжкам с досады.

— Ничего, — говорю, — подождите. Что-нибудь придумаем.

Подумал я и говорю: «Пойдем назад в тот магазин, где мы этот торт купили». Мои спутники запротестовали: «Дело безнадежное, зачем возвращаться?»

— Нет, вот увидите!

Продавец тортов, увидев мою широкую улыбку, заподозрил неладное.

— Простите нас, пожалуйста, — начал я, нежно улыбаясь, — но моя девушка... она позвонила мне... у нее день рождения... понимаете... она позвонила мне и сказала... сказала, что не любит ванильный торт... и шоколадный тоже не любит. Говорит: любой торт мне возьми, только, ради Аллаха, не шоколадный и не ванильный.

Продавец напрягся, быстро смекнув, к чему я клоню.

— Так вот не могли бы мы вернуть вам торт назад, — продолжал я. — Мы его не трогали, клянусь Аллахом. Даже не открывали, — убедитесь сами. Вы возьмите его у нас, и мы дадим вам бакшиш.

Услышав про бакшиш, торговец смягчился. Он открыл коробку, придирчиво осмотрел торт и возвратил нам деньги. Я дал ему три фунта, и мы пошли покупать дешевый торт. Он, кстати, оказался очень вкусным. Именинница была довольна...

И вот теперь после того случая с тортом я не верил своим глазам. Никто на наших крабов даже смотреть не хотел.

В одном ресторане нам заявили, что крабы — такая штука, что с ними лучше не шутить. В другом подтвердили, что, в принципе, готовят еду с улитки, но только не крабов. Нам посоветовали сходить в рыбный ресторан, располагавшийся в нескольких кварталах от нашего отеля. Мы так и сделали. В рыбном ресторане менеджер, похожий на Жана Рено, схватил наш мешок и бодро побежал на кухню. Мы вслед за ним, с трудом поспевая.

Он раскрыл пакет и извлек первого попавшегося краба за клешню. Перед прогулкой я промыл морских тварей в умывальнике и уложил в другой пакет.

Но пока мы искали, где их пристроить, крабы опять «вспотели» и стали вонять пуще прежнего.

Жан Рено повертел пред носом покрывшегося пеной краба и печально положил обратно.

— Я вам дам добрый совет, — сказал он. — Выбросьте их. Они несвежие. Поверьте мне на слово. Я кое-что понимаю в крабах...

Еще неделю крабы хранились в холодильнике ресторана при отеле. Каждый вечер официант осторожно интересовался, как поступить с ними. Я отвечал, что следует еще немного повременить.

Прошло несколько дней. Когда меня в очередной раз спросили о крабах, я не выдержал и забрал пакет. Днем, возвращаясь с учебы, я видел бомжа, который жил недалеко от памятника Нагибу Махфузу на улице Лиги арабских государств. Я взял пакет и отправился к памятнику. Бомжа там не оказалось. Через пару часов я снова пришел с пакетом. Я осторожно дотронулся до одеяла, на грязно-серой поверхности которого резвились какие-то незнакомые мне насекомые. Под одеялом зашевелилось вялое тело.

— Я тут... это... вам поесть принес.

Из-под одеяла высунулась длинная черная рука, покрытая то ли ранами, то ли мозолями...

На следующий день, возвращаясь с учебы, я выглянул из автобуса, но ни бомжа, ни его постели не увидел. На другой день — тоже. Наверное, эти крабы приносят несчастье, — решил я...

Креветки с книжной ярмарки

С морепродуктами мне в Каире откровенно не везло. За несколько дней до случая с крабами со мной приключилась не менее поучительная история.

Дело было на Каирской международной книжной ярмарке. Несколько лет назад я, как руководитель издательства, специально приехал сюда, чтобы своими глазами увидеть крупнейший книжный форум в мире.

Теперь я не имел каких-либо практических целей, не спеша прогуливался, смотрел книжки. Еще в прошлый раз я уяснил, что бесцельная прогулка дает больше шансов наткнуться на интересные книги, чем целенаправленный поиск, который все равно в итоге превращается в бессмысленное шатание.

Главный недостаток ярмарки — полное отсутствие каких-либо ориентиров. Не существует ни программы мероприятий, ни списка участников с указанием стендов, где они располагаются. Приходится ходить наугад. От такой неразберихи довольно скоро просыпается аппетит.

Мы с Ильдаром присели в одном из кафе. Я заказал себе сэндвич с креветками. Больше всего мне не нравился в Египте их белый сухой хлеб, я невыносимо тосковал по черному «Бородинскому». Чтобы осилить несколько креветок, зажатых между двумя твердокаменными булками, я попытался открыть небольшой пакетик с кетчупом «Heinz». Но кетчуп отказывался открываться. Я в сердцах бросил его в мусорный бак и принялся жевать булку. Тут я увидел, что помимо кетчупа есть еще один пакетик. Наверное, какой-нибудь соус местного разлива. Это даже лучше! К моему удовольствию, пакетик открылся довольно легко. Я сдобрил сэндвич содержимым пакета и накинулся на креветок, но не успел я прожевать кусок, как почувствовал, что изо рта у меня в буквальном смысле идут пузыри. словно я проглотил шампунь. Немедленно прекратив процесс пережевывания пищи, я схватил пакетик и принялся читать все, что на нем было написано. Что такое «джиль»? Я стал вспоминать. К счастью, мой коллега — прилежный студент — всегда носил с собой в рюкзаке здоровый словарь Баранова. В словаре мы нашли: род, поколение, век. Что-то не то. Какое, к дьяволу, поколение?

Я перевернул пакетик и на другой стороне мелкими буквами по-английски увидел слова: Hand gel! Значит, я только что сожрал гигиеническое средство!

Не вдаваясь в рассуждения, я стал извергать из себя на тарелку все, что еще не успело попасть в мой желудок. Соседи стали друг за другом покидать наш стол. Вскоре я остался один. Ушел даже Ильдар. И я продолжил гулять по ярмарке один, с тяжелым сердцем и пустым желудком...

Эзбекия — мечта самоубийцы

В Каире, вблизи моего отеля, есть сад, устроенный на английский лад, с искусственными горами, гротами, мостами из цельных деревьев. Вечером там почти никого нет, и светит большая бледно-голубая луна. Там дивно-хорошо...

*Из письма Н.С. Гумилева
В.К. Ивановой-Шварсалон*

Один продавец старой книги на Каирской ярмарке посоветовал мне съездить на букинистический рынок недалеко от сада Эзбекия.

У этого небольшого садика на востоке Каира вполне могла быть слава, сопоставимая с Черной речкой в Петербурге или горой Машук на Кавказе. Или, как минимум, петербургской же гостиницей «Англетер». Здесь, в каирском саду Эзбекия, зимой 1907 года могла оборваться жизнь русского поэта Николая Гумилева.

Во время своей первой поездки в Африку он решил, что садик «Эзбекия» — идеальное место для того, чтобы свести счеты с жизнью. Поводом для самоубийства послужила ссора поэта с Ахматовой:

Я женщиною был тогда измучен,
И ни соленый, свежий ветер моря,
Ни грохот экзотических базаров —
Ничто меня утешить не могло.
О смерти я тогда молился Богу
И сам ее приблизить был готов.

К счастью, рука Николая Степановича дрогнула. Как он сам утверждал, в тот момент, когда он был уже готов пустить себе пулю в висок, что-то снизошло на него, и поэт не только отказался от чудовищного замысла, но и разродился серией чудесных стихов, воспевавших Египет и, конечно же, сад Эзбекия.

С моей стороны, было бы кощунством не побывать в саду, сохранившем для русской культуры жизнь одного из выдающихся поэтов. Был у меня и свой, личный интерес. Перед самым отъездом я поссорился со своей девушкой. Отправляясь в Эзбекию, я был уверен, что сад излечит меня от тоски, поможет прийти в себя. Стреляться я, конечно, не собирался. Да и пистолета у меня не было. Зато у меня были написанные на бумаге стихи Гумилева, которые я намеревался прочесть под «величавым платаном»:

Но этот сад, он был во всем подобен
Священным рощам молодого мира:
Там пальмы тонкие вносили ветви,
Как девушки, к которым Бог нисходит;
На холмах, словно вещие друиды,
Толпились величавые платаны,

И водопад белел во мраке, точно
Встающий на дыбы единорог;
Ночные бабочки перелетали
Среди цветов, поднявшихся высоко,

Иль между звезд, — так низко были звезды,
 Похожие на спелый барбарис.
 И, помню, я воскликнул: «Выше горя
 И глубже смерти — жизнь! Прими, Господь,
 Обет мой вольный: что бы ни случилось,
 Какие бы печали, униженья
 Ни выпали на долю мне, не раньше
 Задумаюсь о легкой смерти я,
 Чем вновь войду такой же лунной ночью
 Под пальмы и платаны Эзбекие».

Если бы не надпись над входом, указывавшая на то, что передо мной сад Эзбекия, мне бы показалось, что я забрел на заброшенный пустырь, служащий отхожим местом для торговцев с соседней площади Оперы. То, что называлось садом Эзбекия (по-арабски — аль-Азбакийя), представляло собой небольшой, окруженный тропинкой холмик, покрытый пыльными кактусами и кривыми пальмами.

Известно, что поэты склонны приукрашивать действительность, но чтобы настолько! Я достал листок со стихами Гумилева. Если бы я педантично следовал этому описанию, то никогда бы в жизни не нашел Эзбекию.

«Может быть, следует прийти сюда, когда совсем стемнеет, и сад откроется мне с другой стороны в таинственном сиянии южной ночи?» — подумал я.

Через несколько дней я возвращался с книжного рынка на площади Атаба, расположившегося в непосредственной близости от Эзбекии.

Я провел здесь немало часов, копаясь в сочинениях прошлого и позапрошлого столетий на основных европейских языках. Букинисты уже узнавали меня и делали мне большую скидку. Каждый раз, когда я прохаживался по рынку, из одной лавки, как моллюск, выныривал маленький дедок. «Проходите, пожалуйста!» — настойчиво звал он меня. Но как ни пытался я протиснуться в лавку, половина входа в которую была заставлена рядами книг, мне это так и не удалось.

Конечно же, я далек от мысли сравнивать этот небольшой книжный рынок с парижскими развалами у Сены, но в Каире это было по праву одно из самых любимых мною мест. Я приходил сюда не единожды и всякий раз уходил расстроенный от того, что не могу купить и одной десятой всех приглянувшихся мне книг.

Долго я не мог в темноте, оглушенный криками торговцев китайскими тряпками, отыскать вход в сад. Пока я бродил в темноте, пошел небольшой дождик. Хлипкий каирский дождик, привычный для этого времени года: пройдет, и словно его не было. Наконец я наткнулся на знакомую надпись: «Хадикат аль-Азбакийя». Передо мной возникло множество огоньков, разбросанных по саду: местные бродяги грелись и поедали свой ужин. Я сделал несколько кругов вокруг холма, пока не вызвал подозрение у каирских бичей, и поспешно удалился во избежание неприятных для меня разговоров.

Позже я узнал, что еще в начале прошлого века местность, прилегавшая к Эзбекии, стала застраиваться. Ловкие дельцы скупили большую часть территории, в том числе и земли сада, и стали возводить на них свои дворцы. То, что сейчас называется Эзбекией, — это лишь жалкие остатки Эдема, очаровавшего Гумилева. Рука захотевшего покончить здесь с жизнью не дрогнет...

Еврейский замок

Изучая как-то утром за завтраком в отеле карту Каира, я обнаружил, что совсем недалеко от сада Эзбекия находится объект, обозначенный как Еврейский замок. Из всех еврейских памятных мест в городе мне была известна лишь знаменитая синагога Бен Эзры в районе Старый Каир, построенная, по

преданию, рядом с тем местом, где дочь фараона нашла младенца Моисея. Что касается Еврейского замка, то мне оставалось только гадать, что за здание скрывалось за этим названием. Поверхностный поиск в Интернете ничего не дал. Я решил разобраться на месте. Найти Еврейский замок оказалось не так просто. Пару раз мы проскакивали мимо этого высокого здания, похожего на доходный дом, которому от роду не более ста пятидесяти лет. Сложно было предположить, что это и есть замок, да еще еврейский.

У входа дежурили двое полицейских. Они сидели на стульях, закрытые от улицы металлическим щитом с окошком, и о чем-то не спеша разговаривали.

— Ас-саламу алейкум, мы можем сюда попасть? — поинтересовался я.

— Да, но только после намаза.

— Намаз в Еврейском замке?

— Нет, у нас.

Я посмотрел на часы. До полуденного намаза еще час.

— Но мы не можем ждать час. Пустите нас, пожалуйста. Мы быстро.

— Хорошо, я сейчас узнаю, — полицейский с неохотой встал и пошел в небольшой домик слева от «замка».

Вскоре полицейский высунулся оттуда и сказал.

— Идите сюда.

Мы вошли в домик. Там также сидели полицейские. Нас попросили сдать паспорта.

— А нельзя просто записать номер? — спросил я.

— Не волнуйтесь! Ваши паспорта нам не нужны. Это — залог на случай, если вы что-нибудь там сломаете.

После того, как мы оставили документы, нам, наконец, разрешили пройти в «замок».

У самого входа нас встретил какой-то мужик лет сорока пяти, в поношенном свитере, с грустным бабьим лицом.

— Здравствуйте, я хранитель замка, Махмуд. Вход стоит 30 фунтов, — объявил он, оценив все. нашу четверку быстрым хищным взглядом, потом немного подумал и добавил: «С каждого!»

— Что ж так дорого? — отвечали мы вразнобой: кто — по-арабски, кто — по-английски, кто — по-русски.

— Не нравится — уходите.

— Ладно, держи, — я протянул ему двести фунтов. — Что смотришь? Сдачу давай.

— У меня нет, вы походите пока, а я разменяю.

Мы прошли в замок, который оказался не чем иным, как синагогой, построенной в 1878 году. У самого входа на мраморных плитах обозначены имена жертвователей: похоже, здесь перечислена большая часть еврейской буржуазии Каира рубежа XIX — начала XX века.

Я достал фотоаппарат, чтобы запечатлеть витражи на окнах, но хранитель замка зашипел: «No photo! No photo, mister!»

— Но...

— Хорошо, только быстро, — шептал он, — если полицейские увидят, меня лишат работы. Я попаду в тюрьму, а у меня дети. Маленькие дети...

Мы принялись фотографировать все подряд: свиток Торы, меноры, деревянные скамьи, мраморные колонны, массивную люстру с Маген Давидом, мраморные плиты с именами жертвователей и смотрителей синагоги.

На выходе я протянул руку за сдачей.

— Какие деньги? — развел руками хранитель.

— Как какие?! Сдачу давай! Восемьдесят фунтов.

— Но вы же делали фотографии. Причем каждый!

— И что? Ты и так взял с каждого по 30 фунтов. Не-е, мужик, мы так не договаривались. Гони деньги.

— Какие деньги? Я сейчас вызову полицию! — хранитель сделал движение в сторону двери.

— Давай вызывай, — я произнес это, не моргнув глазом, хотя в душе был не так уверен, как на словах. Если бы дело происходило при Мубараке, то в девяти из десяти случаев полиция взяла бы нашу сторону. Но сейчас ручаться за исход дела было нельзя. К тому же у них были наши документы. С другой стороны, мне не хотелось дарить какому-то отвратительному проходимцу восемьдесят фунтов.

— Ну, что же ты стоишь? Давай вызывай полицию, — продолжил я наступление на смеси арабского и английского.

Хранитель принялся ковыряться в карманах, извлекая оттуда по одной замусоленные десятки. Пятьдесят, шестьдесят, семьдесят. Так ведут себя мальчишки, которых отловили хулиганы в темном переулке и потребовали раскошелиться.

— Take it, Jew¹, — с презрением произнес хранитель, едва ли не швыряя мне свои десятки.

— Я не еврей, а вот ты похоже не мусульманин. Где еще десятка, мужик?

— Я не мусульманин?! Да я... — Он бросился к столику у входа и достал из выдвижного ящика карманное издание Корана. Он подбежал ко мне, и я даже в первый момент решил, что он собирается шандарахнуть меня Священной Книгой по голове.

Но он лишь стал трясти у меня им перед носом, то и дело гневно повторяя: «Я не мусульманин?! Вот смотри!»

Я подождал, когда он успокоится, и тихо сказал: «Если бы ты чаще читал эту книгу, которой ты трясешь передо мной, то ты бы знал, что тот, кто обманывает своих братьев по вере, — плохой мусульманин. А по мне, и не мусульманин вовсе». Сказав это, я вышел, и еще долго слышал за своей спиной ругательства и проклятия на всех языках мира, раздававшиеся из полуоткрытых ворот Еврейского «замка».

Тапочки Мубарака

Перед отъездом я заехал на Тахир за тапочками. Моих новых друзей — Аделя, Хусамы и Али — на площади не оказалось.

Я по памяти нашел ту палатку, в которой в прошлый раз скрылась женщина в желтой куртке. В нерешительности замер у входа, не решаясь заглянуть внутрь. Наконец кончиками пальцев отогнул край палатки. На меня смотрели дерзкие глаза какого-то парня.

— Тебе кого, друг?

— Женщину, которая делает тапки с Мубараком. — отвечал я. — В желтой куртке. Старая. Она была здесь на прошлой неделе.

— А что тебе от нее нужно?

— Мне нужны тапочки...

— Могу продать тебе свои.

— Нет, мне не нужны твои тапки, извини.

— А-а, я понял, — парень почесал затылок. — Может, ты Марьям ищешь? Так она заболела.

— Что-то серьезное?

— Да нет, думаю, завтра придет. Отравилась крабами. Жених ее где-то достал, бродяга. Сам он в больницу загремел, а она еще легко отделалась.

— Проклятые крабы, — пробормотал я по-русски.

— Что ты сказал?

— Нет, ничего, передавай Марьям привет... и пусть скорее выздоравливает, — ответил я и быстро зашагал по направлению к станции метро «Садат»...

¹ Возьми это, еврей! (англ.)